

ШАХМАТИСТЫ-БОМБИСТЫ

Как шахматная рать помогала «Бисмарка» искать

Продолжаем рассказ о тайной деятельности ведущих английских шахматистов во время Второй мировой войны.

5 мая 1941 года в Готенхафен (ныне польский порт Гдыня) прибыл Адольф Гитлер.

«Вы – гордость флота!» – напутствовал патологически боявшийся морских просторов фюрер чудовищной мощи боевой корабль «Бисмарк», изготовившийся вместе с крейсером «Принц Евгений» прорваться на неохватную ширь Атлантики и нагнать там жути на английские конвои.

Вообще-то фюрер сомневался в целесообразности этой вылазки, опасаясь, что первый же рейд «Бисмарка» может оказаться и последним, если не дожидаться готовности его близнеца «Тирпица» (заканчивавшего в Гдыне тренировочный процесс): в тандеме эти мастодонты чувствовали себя бы в большей безопасности на тропе войны, в какой угодно акватории.

Но Гитлер дал себя переубедить вздорному гросс-адмиралу Редеру, учитывая при этом, что рейд «Бисмарка» поможет, как отвлекающий маневр, дезориентировать Сталина: будто бы на самом деле на Британские острова, а вовсе не в Россию, собирается вторгнуться Третий рейх, коль уж и свою «флотскую гордость» бросил против англичан.

18 мая «Бисмарк» во главе эскадры вышел в дальний опасный поход, отрядом командовал 52-летний адмирал Лютьенс (под его началом был весь надводный флот немцев).

Немецкие корабли прокрались через Большой Бельт на север, что, впрочем, не осталось незамеченным английской разведкой, а позднее она обнаружила их на стоянке в Корс-фьорде близ Бергена (где «Принц Евгений» дозаправился топливом под завязку). Снявшись с якоря, немецкий отряд, описывая дугу, начал приближаться к Датскому проливу, в мрачное ледовое царство между Гренландией и Исландией, где уже давно дежурили английские крейсеры «Норфолк» и «Суффолк». К вечеру 23 мая они обнаружили противника, да и не могли не обнаружить: ширина водного отрезка, ограниченного паковым льдом, там не превышала 80 миль.

Адмирал Тови двинул на перехват армаду вверенного ему внутреннего британского флота и сам поспешил к месту событий – с линкором «Кинг Джордж V», авианосцем «Викториес» и более мелкими кораблями.

На хвосте у немцев висел «Суффолк», оснащенный современным радаром, по его наводке и произошла первая сшибка.

24 мая в 6-м часу утра к немецким рейдерам приблизились линкор «Принц Уэльский» и мощнейший линейный крейсер «Худ», который хотя и уступал «Бисмарку» по габаритам («бисмарковское» полное боевое водоизмещение – 50129 тонн, «Худа» – 42000 т), но также мог звездануть из восьми 38-см суперорудий.

С дистанции 22,7 км «Худ» приложился по «Принцу Евгению», и это было ошибкой. Ему следовало сразу бить по «Бисмарку», чей залп воспламенил на английском тяжеловесе батарею 4-х дюймовых орудий, причем огонь мгновенно перекинулся на всю центральную часть корабля. Британцы также всадили снаряды в гигантскую тушу «Бисмарка», тот в очередной раз пальнул по «Худу» 800-килограммовыми штуковинами из главных башен, над тем взметнулся огненный купол, и ужасающей силы взрыв развалил крейсер пополам! Спустя несколько минут он исчез в морской пучине, унося жизни более 1500 человек, в том числе вице-адмирала Ланселота Холланда...

Обогнув на скорости обломки несчастного «Худа», «Принц Уэльский» в азарте вновь влепил по «Бисмарку», получив от него в ответ пять 381-мм снарядов и еще три не таких кусачих – от «Принца Евгения».

Благодаря умно укрывшись дымовой завесой, английский линкор отвалил в сторону...

А Лютьенс, которому уже было море по колено, вместо того, чтобы вернуться в Германию и получить из рук фюрера причитающуюся ему награду за успешный бой у Гренландских берегов, продолжил рейд в сторону Атлантики! «Принц Уэльский» его хорошенько потрепал, отчего за «бисмарковской» кормой стелился широкий нефтяной след... Безумец Лютьенс!

Днем в кильватер немецкому отряду пристроились горевший жаждой мести «Принц Уэльский» и другие английские крейсера, на погибель врага адмирал Тови двинул мощные силы, в том числе и авианосные.

Кураж Лютьенса быстро угас, он вступил в скоротечный огневой контакт с англичанами, чтобы дать «Принцу Евгению» втихаря улизнуть в сторону Бреста. Как только тот скрылся в южном направлении, «Бисмарк» от дальнейшего обмена ударами уклонился, проще – дал деру, а бросившиеся ему вослед с палубы авианосца «Викториес» торпедоносцы «Суордфиш» (*англ. – «Меч-рыба»*) тяжелых увечий беглецу не нанесли (из-за непогоды). Между тем шел 1-й час ночи, шторм усиливался, видимость была никакая...

Двумя годами позднее этой гонки с преследованием родилась легенда, живучая до сих пор: будто бы, когда на американском эсминце «Элдридже» привели в действие два мощных генератора, тот не просто исчез из поля зрения наблюдателей и с экранов радаров, а словно провалился в иное измерение, в клубах неведь откуда взявшегося зеленоватого тумана.

Так вот, с «Бисмарком» в ту ночь, с 24 на 25 мая случилось нечто подобное! Это бронированное, как ни один другой корабль в мире, чудовище длиной 241,5 метра по ватерлинии сказочным образом исчезло с экрана новенького радара «Суффолка», хоть заищишь! Куда «Бисмарк» направил свои стопы – на запад или, может, в обратном направлении – на северо-восток? И возможно, Лютьенс так бы и держал растерявшихся англичан в неведении, если бы молчал в тряпочку. Но, не допуская мысли, что преследователи лопухнулись, сбились со следа, он с утра пораньше разразился многословной радиোগраммой в свой морской штаб в Германии, оповестив о нокаутированном им «Худе», о проблемах в связи с утечкой топлива, наконец, главное – о своем решении «топать» до Бреста.

Радиোগрамма отмахнувшегося от радиобезопасности Лютьенса была закодирована шифром «Нептун», казалось бы, надежнейшим способом, незатасканным, применявшимся только тяжелыми кораблями немцев и только в особых случаях... Но и самые осведомленные в Кригсмарине люди, начиная с Редера и Деница, были ни сном ни духом, что в начале мая 1941-го в тех же гренландских окрестностях англичане заарканили немецкую субмарину U-110 самого Юлиуса Лемпа, одного из лучших деницевских асов, завладев ее шифровальной машиной со всеми энigmatскими причиндалами, книгами кодов и т.д. Это позволило 8-й хижине Блетчли-парка (где

Хью Александер уже и на тот момент был ключевой фигурой!), во-первых, незамедлительно приступить к прочтению всех радиোগрамм, закодированных специальным подлодочным шифром «Гидра», и во вторых, оттолкнувшись от «гидра»-шифровок, по образу и подобию взломать вдобавок тот самый шифр «Нептун». Так что неосторожный «кряк» Лютенса в радиозфир с борта «Бисмарка» Хью со товарищи смогли перевести с «нептуновского» языка на родной язык...

А что же 6-я хижина, в которой, как вы помните, энигмовские радиোগраммы немецких сухопутных сил и люфтваффе «бомбил» соратник Александра по шахматной сборной объединенного Королевства мастер сэр Стюарт Мильнер-Барри? И 6-я тоже отметилась в этой операции, дешифровав переговоры немецких ВВС об обеспечении «Бисмарка» воздушным прикрытием, как только он окажется в зоне действия люфтваффе. Это расшифровка вновь подтвердила намерение Лютенса найти прибежище именно в Бресте!

«Все пять лет, проведенных мною и Хью в Блетчли-парке. – вспоминал сэр Мильнер-Барри (он – справа), - казались нам непрерывным шахматным турниром».

Кстати, геббельсовский пропагандистский аппарат уже вовсю растрезвонил о гибели «Худа», и об этом узнал и находившийся в Афинах один из высокопоставленных офицеров ВВС, сын которого как раз проходил службу на «Бисмарке». Движимый отцовскими чувствами, этот офицер запросил по «Энигме» люфтваффе Берлин: что с линкором, где он? И получил ответ, что «Бисмарк» следует в Брест... «Стрелки» 6-й хижины прочли и эту шифровку, не оставляющую уже никаких сомнений, где английским кораблям придется «Бисмарка» окончательно «дырять». Правда, точные его координаты еще предстояло уточнить, но в 10.30 утра 26 мая беглеца засек в 700 милях от брестской заводи английский воздушный разведчик «каталина», и последующий «эндшпиль» адмирал Тови разыграл по-гроссмейстерски. Вечером «Бисмарк» подвергся массированному налету вспорхнувших с авианосца «Арк Ройал» 15 торпедоносцев, все тех же «Суордфиш», и на этот раз атака «авосек» (так любовно называли свои надежные, но тихоходные торпедоносцы их экипажи) была результативной: немецкий рейдер крутанулся на месте, как волчок, торпедой ему заклинило руль...

Насколько дело немцев было швах, можно судить по радиোগрамме Лютенса (он ее отправил ближе к полуночи): «Корабль потерял способность управляться, мы будем драться до последнего снаряда. Да здравствует фюрер!»

Немецкому адмиралу Лютьенсу и в голову не приходило, что отправленные с «Бисмарка» энigmatические радиогаммы дешифровывались в лондонском предместье, и кем?! Лучшими шахматистами Англии...

Утром 27 мая сначала линкор англичан «Родней», а через минуту «Кинг Джордж V» начали дружно палить по «Бисмарку». Тот, огрызнувшись, попал по «Роднею», выдержавшему, однако, удар, и вновь саданувшему по обреченному врагу. К 16.15 все орудия «Бисмарка» умолкли, через полчаса в него впились торпеды с крейсера «Дорсетшир».

Конец! Оседая на корму, «Бисмарк» перевернулся и пошел на дно вместе с адмиралом-авантюристом Лютьенсом и двухтысячным экипажем.

...Примерно в это же время, чуть позднее, из поезда, прибывшего на тихую неприметную станцию Блетчли, вышел молодой человек в очках, при небольших аккуратных усах. Джек Гуд (английский эквивалент его настоящего польского имени Исидор Якоб Гудак) был не только способнейший математик, окончивший Кембридж, но и, между прочим, шахматист большой любительской силы, а на перроне его встречал шахматист еще более хороший, не кто иной как Хью Александер, как всегда, небрежно одетый.

Пешочком они неспешно добрались до «общества любителей гольфа, сыра и шахмат», и только вошли в 8-ю хижину, как следом в барак влетел один из «стрелков», радостно возопивший: «Бисмарка» потопили!»

Тут же усатому новичку объяснили, что к потоплению 8-я имеет самое прямое отношение, и с этого мажора и началась дешифровальная страда Джека Гуда, ставшего ближайшим соратником Хью Александера по борьбе с военно-морской «Энигмой», впоследствии – ученым с мировым именем (на его работы, между прочим, ссылается великий фантаст Артур Кларк...)

Джек Гуд был ближайшим соратником Хью Александера по взламыванию сложнейшего военно-морского шифра «Энигма».

Опубликовал тысячу работ по математике, искусственному интеллекту, информатике...

Вечером того же исторического дня Хью и Стюарт, два сильнейших английских мастера, по полной оттянулись в баре «Баранья лопатка», в который уже раз порассуждав на тему «пути Господни неисповедимы». Ведь когда построенный в нарушение договорных ограничений «Бисмарк» (спущенный на воду в начале 1939-го) проходил обкатку, все мысли этих двух друзей-шахматистов занимало только одно: как получше подготовиться к предстоящему «Турниру наций» в далекой знойной Аргентине... На черта им сдались тогда все немецкие корабли вместе взятые!

Прерванная Олимпиада, разносолы обаятельной миссис Боуден и первые «Бомбы»

В середине августа 1939 года шахматная сборная Англии в составе Х.Александр, Г.Голомбек, сэра Дж.Томас, Б.Вуд и сэра С.Мильнер-Барри пустилась в дальнее плавание на стареньком бельгийском судне под названием «Пириаполис» - наискось через всю Атлантику, в Буэнос-Айрес, на 8-й по счету «Турнир наций». «Пириаполис» специально зафрахтовали для перевозки европейских команд. По воспоминаниям Мильнер-Барри (на них мы еще не раз будем ссылаться), «это был, как можно себе хорошо представить, удивительный бродячий «зверинец» шахматистов, которые в те дни (задолго до того, как шахматы приобрели статус профессии) принадлежали больше к богеме, нежели к респектабельной буржуазной прослойке, что мы имеем сегодня. Хью получал огромное удовольствие, наблюдая за моей реакцией на этот сброд».

В том «сброде» Хью и Стюарт, конечно, выделялись своей образованностью (как-никак, Кембридж за плечами!), насчет «голубых кровей» английская сборная тоже могла бы дать фору любой команде-участнице буэнос-айресской Олимпиады (еще бы – два сэра в составе, Томас и Мильнер-Барри!)...

А вот по чисто шахматной силе... На предыдущей VII Олимпиаде (Стокгольм, июль-август 1937 года) англичане заняли чуть ли не аутсайдерское, 13-е место (из 19). Что им светило в знойной Аргентине? Сложно сказать...

Американцы, бессменные победители четырех предыдущих Олимпиад в Буэнос-Айрес приехать не соизволили. Таким образом, возрастали шансы Польши, многократного призера «Турниров наций». И вот с поляками-то и с еще одной сильной командой – Чехословакии Хью со товарищи и оказались в одной полуфинальной группе. Сборную Польши возглавлял проживавший во Франции остроумец Савелий Тартаковер, чехословацкую – столь же миниатюрный шутник Сало Флор, с обоих, кстати, Хью «снял скальпы» на знаменитом Ноттингемском турнире, в 36-м.

В подгруппе поляки поделили с чехословаками первое место (по 18,5 очка), англичане на весьма значительном отдалении финишировали третьими (15,5 очка), но тоже вышли в финал, в числе 16 команд, отборочные барьеры преодолевших.

Финал, 1-й тур и ...ошеломляющее известие: Гитлер напал на Польшу!

Алехин, 1-й номер сборной Франции, выступает с резким радиообращением, требуя бойкотировать команду страны-агрессора, его поддерживают и другие делегации...

Но Хью и его товарищи мыслями уже за океаном, в Лондоне, немецкая Люфтваффе может садануть по нему в любую минуту, ведь Англия объявила Германии войну!

В тот же вечер они покидают Буэнос-Айрес на огромном неуклюжем пассажирском судне «Алькантере». Эта колымага была рассчитана самое малое на полторы тысячи туристов. Но вместе с английскими шахматистами набралось едва ли 100 пассажиров. Жуткое время, куда рыпаться, это уж кому сильно приспичило... В целях компенсации за почти порожний рейс хозяин судна накручивает абсолютно неподъемную для Хью и Стюарта цену на билеты. Ладно, сэр Томас, добрая душа, выручает, дает денег займы до лучших времен.

«Именно здесь, на «Алькантере», - вспоминал потом Мильнер-Барри, - я приобрел вкус к вину и всячески подталкивал Хью к тому же. Мы считали, что в случае, если судно попытаются потопить (*а подлодки Деница уже бродили по Атлантике. – В.Н.*), хмель не даст нам прочувствовать всю остроту ситуации. К тому же я был холост в то время, и расходы на алкоголь не были большим препятствием.

Время от времени сэр Джордж Томас принимал нас в своей каюте первого класса (*видимо, старина Джордж дополнительно одалживал денег Стюарту и на выпивку. – В.Н.*).

Мы также учились бальным танцам. Хью был очень усерден и отнесся к этому с большим энтузиазмом, как, впрочем, он относился ко всему, чем увлекался. Он оказался более искусным в танцах, чем я.

Плавание проходило без приключений. Не считая случая, когда однажды, закемарив было во время дежурства на палубе, я спросонок принял бурого дельфина за подлодку.

Мы прибыли домой благополучно, без всякого сопровождения, за 13 дней».

На твердь родного острова они ступают без малейшего понятия, что их ждет. Стюарт безуспешно пытается устроиться на военную службу (медкомиссия отбраковывает из-за слабого зрения), а вот Гарри Голомбака, шахматного корреспондента газеты «Таймс», признают годным к строевой, зачисляя в артиллерийские войска (в Блетчли-парке он появится год и три месяца спустя).

В начале нового года Стюарт получает неожиданное приглашение от Гордона Уэлшмена махнуть в Блетчли-парк, чтоб вступить в таинственную организацию под названием правительственная школа кодов и шифров. В этом лондонском предместье Стюарт встретил Хью, прибывшего в Блетчли на пару недель раньше.

Блетчли-парк. «Это был большой, довольно богато украшенный длинный двухэтажный дом из красного кирпича с деревянными фронтонами и претенциозным портиком в пышном поздневикторианском стиле» – так описывает главную усадьбу переехавшей в начале войны в это лондонское предместье правительственной школы шифров и кодов кэптен Ф. Уинтерботэм (о нем – в следующей главе).

Житейски друзья обустроились куда с добром! До конца войны жили в гостинице с чудным названием «Баранья лопатка», где-то в миле от входа в Блетчли-парк. В этой же гостинице, как, наверное, догадываются читатели, и находился упоминавшийся в первой главе одноименный славный бар, завсегдатаями которого наши герои были на протяжении всей своей замечательной дешифровальной пятилетки.

Все эти годы о них сердечно заботилась милая приветливая хозяйка гостиницы миссис Боуден. С харчами в «Station X» (под таким названием Блетчли-парк кодировался в документах с грифом высшей секретности) было неслабо. Так что миссис Боуден, любившая и умевшая готовить, имела возможность постоянно потчевать приятственных ей Хью и Стюарта всякими разносолами. А наши герои имели обыкновение каждое воскресенье приглашать «избранных коллег» к себе на ужин, затягивавшийся, как правило, далеко за полночь.

На склоне лет Мильнер-Барри (он умер в 1995-м) вспоминал:

«Я чувствовал одно время – и, оглядываясь назад, на более чем полвека, я чувствую то же самое – что мне необычайно повезло заниматься именно этой работой, именно в то время; и я подозреваю, что все, задействованные в операции «Энигма» на том или ином уровне, чувствовали то же самое. Нам было стыдно, и даже где-то прискорбно из-за того, что мы вели такую относительно спокойную и безопасную жизнь, пока большая часть населения, как гражданского, так и военного, находилась в огромной опасности. Но в то же время мы не могли не осознавать, что наша работа – коллективная и индивидуальная - очень много значила для ведения военных действий. Только по одной этой причине нас никогда не покидал дух товарищества, даже когда дела, казалось, шли плохо и у нас были проблемы с дешифровкой. Каждый день, когда взламывался код, это событие вызывало вечный восторг, в какое бы время дня и ночи оно ни совершалось. Для шахматного игрока это было сродни долгому турниру, туры которого игрались каждодневно, и где не было никакой уверенности, что удача останется с тобой».

...Поначалу, в 1940-м в одном номере «Бараньей лопатки» с Хью и Стюартом жил и рекрутировавший их сюда Гордон Уэлшмен. Но вскоре к нему приехала жена, и эта молодая семейная чета поселилась в городе.

Несравненный Гордон Уэлшмен! Все участники операции «Ультра» отзываются о нем с величайшим пиететом, Мильнер-Барри – не исключение:

«У Уэлшмена был дар предвидения. Причем довольно-таки практического. Несмотря на провал Нокса (*Дилли Нокс, один из первых дешифраторов «Энигмы» в Блетчли-парке, выдающийся криптолог, не успевший до конца проникнуть в тайны немецких шифров из-за тяжелой неизлечимой болезни: умер совсем молодым. – В.Н.*), он всегда верил, что «Энигма» может быть разгадана. И он понимал огромную важность успеха в этом, считая, что когда окончится «странная война», немцы наверняка будут главным образом передавать свои военные сообщения посредством машины «Энигма». Он предвидел многое – как будут задействованы люди, техника («Бомбы») и вся прочая необходимая субструктура. И в нем было достаточно энтузиазма и огня, которые позволили ему умаслить вышестоящие органы с тем, чтобы нам было поставлено все необходимое. Если бы не Гордон Уэлшмен, я сомневаюсь в том, что «Ультра» сыграла бы свою бесспорную роль в сокращении войны».

Напомним, о чем мы уже говорили в 1-й главе – Уэлшмен, наряду с Тьюрингом, был создателем дешифратора «Бомбы» (The Bombe), без которого вообще не было бы проекта «Ультра». А первый ее образец был изготовлен летом 1940 года на заводе ВТМ, неподалеку от Блетчли-партка, в городке Летчуорт.

Эта штука весила почти тонну и имела весьма громоздкие габариты 6,5х7х2 футов (в высоту, длину и ширину). Поэтому ее доставили в один из барачков Блетчли под покровом ночи.

Конечно, не раз бомбившим Лондон самолетам люфтваффе ничего не стоило заодно швырнуть пару бомб в лондонское предместье Блетчли, но немцы, к счастью, так и не догадались, сколь вредное для рейха ведомство там находилось всю войну.

Из-за опасений демаскировать «общество любителей гольфа, сыра и шахмат», англичане если и передавали советским союзникам расшифрованные «гольфистами» радиоперехваты «Энигмы», то без излишних деталей, в усеченном виде (а вообще-то туманный Альбион мог бы и не опасаться, германским криптографам шифросистемы Красной армии были не по зубам!).

В первые месяцы «Бомб» в Блетчли и его окрестностях было так мало, что между 6-й и 8-й хижинами, делившими одни и те же дешифраторы-тяжеловесы, то и дело возникали «сложные дискуссии». Все же, как близкие друзья, Хью и Стюарт находили компромиссные решения, до серьезных ссор дело не доходило. Да и Стюарту казалось само собой разумеющимся, «что взломать шифр подводных лодок было в конечном итоге куда важнее, ведь ошибка и неудача здесь могла стоить нам всей войны». Обе эти секции, впрочем, как и другие отделы Блетчли, работали в трехсменном режиме, причем Александер частенько сам напрашивался в «ночную», хронический недосып ему, обладавшему какой-то дьявольской выносливостью, был нипочем!

Трагедия Ковентри. Индугенция сэру Черчиллю от сэра Мильнер-Барри

После войны Гордон Уэлшмен уехал в Соединенные Штаты, где занимался секретными разработками в области радиоэлектроники. Уже на склоне лет его потянуло на воспоминания, и он, со слов Мильнер-Барри, «примерно через 40 лет после разгадки кода «Энигма» обнародовал, как это делалось, за что был подвергнут нелепому преследованию из-за нарушения принципов безопасности».

Возможно, «нелепое преследование» ускорило уход из жизни этого выдающегося ученого и изобретателя, умершего в 1985 году от рака. А первым, но очень осторожно, с большими недомолвками тайну Блетчли-парка раскрыл кэптен Ф.Уинтерботэм в книге «The Ultra Secret», изданной в 1974-м (русский перевод «Операция «Ультра» обнародован четырем годами спустя). Это была сенсация, «битва за Атлантику» и другие важнейшие события Второй мировой предстали в совершенно ином свете...

Скованный рамками неразглашения главных секретов «Ультры», Уинтерботэм (в войну как раз и ведавший в этой операции по дешифровке «Энигмы» вопросами безопасности и сохранения тайны) напустил в своей книге много тумана. Так, он пишет:

«Теперь уже не секрет, что сотрудники Блетчли использовали для разрешения загадки «Энигмы» новую науку – электронику. Я не современник века компьютеров и не пытаюсь их понять, но в начале 1940 года меня торжественно ввели в святилище, где стояла колонка бронзового цвета, увенчанная изображением, похожая на какую-то восточную богиню, которой суждено было стать оракулом Блетчли; по крайней мере, когда ей этого захочется...»

На что Уинтерботэм намекает? Если «оракул» – это «Бомба», то она была вовсе не колонкой: ее и пятерым Уинтерботэмам было не сдвинуть с места. А что касается компьютеров, «Колоссов», то они появились в Блетчли отнюдь не в начале 40-го, а гораздо позднее...

Кстати, в своей книге Уинтерботэм запустил миф, до сих пор упорно тиражируемый авторами публикаций об «Энигме», как отечественными, так и зарубежными.

«Зимой 1940/41, - пишет он, - ночь за ночью Геринг мстил нам массированными бомбардировками. Ему надо было как-то спасти свою репутацию... В ноябре, поскольку налеты на Лондон, по-видимому, не давали желаемого эффекта, Геринг решил начать бомбардировку других больших городов. Иногда мы заранее узнавали о таком налете, но точное наименование объекта бомбардировок кодировалось, а кода, мы, конечно, не знали.

Однако около трех часов дня 14 ноября кто-то, по-видимому, допустил промах, и вместо обычного кодового названия в радиোগрамме был упомянут город Ковентри. Черчилль находился на каком-то заседании, поэтому я обратился к его личному секретарю и рассказал о полученных сведениях.

До налета оставалось примерно четыре-пять часов. Я попросил секретаря позвонить мне, когда будет принято решение, потому что, если Черчилль решит эвакуировать Ковентри, пресса и вообще все узнают, что нам стало заранее известно о налете, и необходимо будет принять какие-то меры, чтобы не выдать источник информации. Я представлял себе, что если каждый попытается выбраться из города за оставшиеся несколько часов, наступит полный хаос, а если из-за погоды или еще по какой-либо причине налет отложат, мы напрасно подвергнем опасности источник нашей информации.

Во всяком случае, наши военно-воздушные силы имели достаточно времени, чтобы привести в действие такие контрмеры, как создание помех всем навигационным средствам, которые могут применять немцы. В конечном счете было решено только привести в готовность все службы: пожарные команды, «скорую помощь», полицию, охрану, а также подготовиться к созданию ложных пожаров. Это страшное решение (такие решения иногда приходится принимать на высшем уровне во время войны) было, безусловно, правильным, но я радовался, что не мне приходится его принимать. Официальная история гласит, что министерство авиации было предупреждено о налете за два дня. Что касается «Ультры», то время налета было известно точно».

14 ноября 1940 года с наступлением темноты армада немецких самолетов начала бомбить Ковентри, один из промышленных центров Англии. На город были сброшены 600 тонн бомб большой взрывной силы и тысячи зажигательных бомб. Его центральная часть была полностью разрушена, погибли сотни людей...

15 декабря 1940 года. Уинстон Черчилль в разрушенном Ковентри.

Но Уинтерботэм навел на Черчилля жуткую напраслину. Вот что пишет о трагедии Ковентри Мильнер-Барри в статье «Хижина номер 6: ранние дни» (на русском языке не публиковалась):

«К сожалению, немцы не сообщали в шифровках названия мишеней. Они просто обозначали их цифрами (Ziel такая-то), и мы могли в равной степени угадать или не угадать, какой город подразумевался.»

Время от времени можно услышать следующую историю: когда однажды стало известно, будто по Ковентри готовился разрушительный удар, Черчилль запретил принимать какие-либо особые меры предосторожности из-за страха выдать огромную тайну, что мы читаем «Энигму».

Что Черчилль мог предпринять, окажись он перед такой жуткой дилеммой, я не могу даже себе представить. Но вышло так, что той ночью мы не знали, какова будет цель, пока не стало слишком поздно; насколько я помню, фактически мы ожидали мощный удар по Лондону».

Согласитесь, тем самым сэра Мильнер-Барри выдает индульгенцию сэру Черчиллю и ставит мат живучему мифу, теперь вдобавок гуляющему и на необозримых просторах Интернета.

Уинстон Черчилль, политик, военный деятель, историк, литератор, уважаемая всем человечеством яркая личность. Мы, россияне, не должны забывать, что 22 июня 1941 года британский премьер-министр, единственный среди руководителей крупнейших государств мира, объявил о союзе с нашей страной – в тот черный день ее тяжелейшего потрясения.

Все, что парням из Блетчли удавалось «выловить» значительного по ходу операции «Ультра», докладывалось Черчиллю незамедлительно. Свою похвалу «стрелкам»-криптологам он облек в забавную метафору: «Курочки отлично несут яички и не кудахчут» (Ну, одна-то курочка кудахтала – тихий шотландец Джон Кернкросс, см. ниже).

Крайне заинтересованный в бесперебойном взламывании немецких шифровок, Уинстон Черчилль как-то раз лично проинспектировал Блетчли-Парк. Шахматы были у Черчиллей семейным увлечением, отец будущего премьера, лорд Рандольф Черчилль одно время даже брал уроки у самого Вильгельма Стейница! Как любителя шахмат, Черчилля, возможно, забавляло, что ключевые секции секретнейшего центра дешифровки возглавляют два сильнейших шахматиста Британских островов.

Как хижину Мильнер-Барри «втемную» использовала советская разведка

Всю войну 6-я хижина «бомбила» тайнопись вермахта и люфтваффе в тандеме с хижинкой № 3 (разведывательной), куда поступали все дешифрованные Мильнер-Барри сотоварищи сообщения. В 3-й хижине их оценивали на предмет важности и срочности, после чего телетайпом перегоняли в Лондон в оперативный разведывательный центр Адмиралтейства.

«Само собой, - вспоминал Мильнер-Барри, - поддержание близкой связи с хижинкой № 3 было существенным фактором. Она была организована по сменам так же, как и наша; и главы наших соответствующих смен вели постоянные дискуссии по поводу приоритетов взламывания и дешифровки... И опять-таки нам повезло. Штаб хижинки № 3 значительно отличался от нашей: в то время как шестая состояла в основном из студентов (один или два даже напрямую со школьной скамьи), третья хижина была гораздо более возрастной. Это были ученые в области немецкого языка, а не дешифровщики, многие из которых – школьные учителя молодых университетских преподавателей (как вышло – главным образом кембриджских). Во главе всего этого стоял капитан Джонс, который не был ни ученым, ни тем более академиком. Не знаю, что привело его в Блетчли, но это оказалось блестящим выбором. Подлинно скромный человек, считавший, что от него мало пользы по сравнению с доками, его окружавшими, Джонс был

первоклассным администратором, которого все любили и кому безоговорочно доверяли. После войны он продолжал службу и в конце концов возглавил правительственную штаб-квартиру связи в Челтенхэме».

Разумеется, капитан Джонс был желанным гостем на всех веселых пирушках, которые Хью и Стюарт ежевоскресно закатывали в «Бараньей лопатке», а в один тихий воскресный вечер в начале августа 1942 года Джонс привел с собой новенького – сотрудника из 3-й хижины, отрекомендовав: Джон Кернкросс, переводчик.

Этот молодой усатый голубоглазый шотландец сразу очаровал всю честную компанию своей интеллигентностью, скромностью, простотой в общении; как и многие из «стрелков», он прошел Кембридж, точнее – окончил со степенью бакалавра гуманитарных наук аспирантуру Тринити-колледжа, знал множество языков, чуть ли не все до единого европейские...

Кто из присутствовавших на той задушевной вечеринке мог подумать, что этот скромняга, заливавшийся румянцем от явных знаков внимания, оказываемых ему улыбчивой миссис Боуден, является суперагентом русской разведки под псевдонимом «Лист»?!! Перед славными посиделками воскресным вечером с Хью, Стюартом и их «избранными коллегами» в «Бараньей лопатке», «Лист» (он же «Мольер») уже успел сгонять на легковушке (приобретенной им на деньги лондонской резидентуры НКВД) в столицу, встретился там за доброй кружкой пива со своим связником, просто называя его Генри (в действительности оператора «кембриджской пятерки» звали Анатолий Горский) и передал ему новые дешифровки «Энигмы»: в 3-й хижине их по мере накопления небрежно трамбовали в большие коробки (подлежащие сожжению), откуда они «Листом» и выуживались, буквально под носом у коллег...

Покинув Блетчли-парк, Джон Кернкросс продолжал передавать Центру ценную информацию – до 1951 года, когда он оказался на «крючке» у английской МИ-5, но, как «пятый человек» кембриджской группы был разоблачен лишь в 90-е. Мильнер-Барри был тогда еще жив. Сэр Стюарт и бывший его коллега по Блетчли Кернкросс умерли в один год – в 1995-м.

Таким же макаром тихий шотландец Джон Кернкросс в конце апреля 43-го украдкой вытащил из коробок телеграмму в Берлин генерала вермахта фон Вейкса, ответственного за подготовку немецкого наступления к югу от Курска, в районе Белгорода. В этой дешифрованной хижинной

Мильнер-Барри телеграмме было конкретно указано, когда начнется наступление немцев, какие силы ринутся на курский выступ, на какую новую технику немцы рассчитывали в предстоящей операции; обозначены координаты полевых аэродромов люфтваффе...

Это была фантастическая удача советской разведки! Ценнейшая дешифровка (она приводится в одном из томов «Очерков истории российской внешней разведки», изданных несколько лет назад) тут же пошла на самый верх: наркому госбезопасности Меркулову, от него – в Государственный комитет обороны. На основе материалов, полученных от Кернкросса, из других разведцентров (в частности, из швейцарской резидентуры «Дора», возглавляемой Шандором Радо) и донесений «смершевцев», советская авиация в начале мая качественно «прополола» вражеские аэродромы от Смоленска до Азовского моря, уничтожив мощным превентивным ударом более 500 самолетов люфтваффе!

Наряду с «Листом» Центр получил важнейшие данные об операции «Цитадель» (Курская битва) от резидента ГРУ в Швейцарии Шандора Радо. Мало кто знает, что он был заядлым шахматистом. Вернувшись после многолетней отсидки в ГУЛАГе к себе на родину, в Венгрию, Шандор много и с удовольствием играл в шахматных турнирах, подтвердил 1-й разряд, полученный им еще до войны.

Советская разведка «втемную» использовала хижину Мильнер-Барри до 1 июня 1943 года, когда «Лист» из-за проблем со зрением (еще бы, через его руки прошли тысячи дешифровок!) получил двухнедельный отпуск, после которого он в «клуб стрелков капитана Ридли» уже не вернулся, его перевели в отдел внешней разведки СИС...

Г.Жуков и Д.Эйзенхауэр, исключительно высоко ценивший "парней из Блетчли-парка".

Маршал Г.К.Жуков: «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943-го мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Проанализировав их... мы смогли сделать выводы о вероятных планах, которые впоследствии оказались верными... Хорошо работающая разведка была одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

Стюарт Мильнер-Барри и Хью Александер в битвах Второй мировой

На склоне лет Мильнер-Барри вспоминал:

«Подчеркну, что нам крайне везло. Для немцев «Энигма» была идеальной, безопасной машиной, защитой от всех дешифровщиков, какими бы талантливыми и изобретательными они ни были. Несколько раз, в течение войны, когда становилось совершенно ясно, что большое количество информации каким-то образом поступало к союзникам, немцы организовывали комиссии по расследованию надежности «Энигмы». И всегда приходили к выводу, что машина неуязвима, и что утечка – это дело рук неких секретных агентов. А ведь на самом деле, если бы не человеческий фактор, «Энигма» и была, по существу, совершенно неуязвима. Если бы радисты, которые шифровали сообщения, строго следовали зафиксированным процедурам, сообщения было бы невозможно взломать. Но в этом-то, конечно, и заключалась вся суть проблемы. В принципе, достаточно легко соблюдать простые правила, например, не шифровать адрес и наименование получателя одинаково в начале и в конце сообщения. Но если ты измученный, загнанный оператор, то намного легче поступать так, как ты привык, а не заставлять себя искусственно ставить «иксы» в разные позиции, или вообще не использовать их для пунктуации. Поэтому очень трудно кого-то сейчас обвинять».

И столь же «измученные, загнанные операторы» Кригсмарине, конечно, так же халтурили, как и операторы-шифровальщики люфтваффе, но эти их оплошности почти не облегчали задачу по взлому военно-морской «Энигмы М», куда более навороченной, чем шифромашина люфтваффе, более универсальной, способной выплескивать в радиоэфир самые разные коды и шифры (в 1939-1945 гг. немецкие ВМС пользовались по меньшей мере 12 основными шифрами). Проникнуть в энигмовскую тарабарщину воздушных сил и сухопутных парням из Блетчли было проще, для этого «Бомбе» достаточно было прокачать 60 возможных перестановок (комбинаций) валиков (решая, как

сказал бы М.Ботвинник, «задачи переборного типа»), тогда как военно-морская «Энигма М» могла выпустить шифрограммы 336 способами установки этих самых чертовых валиков.

На случай захвата англичанами как надводных, так и подводных кораблей все имеющиеся там важные энигмовские инструкции были напечатаны на особой, быстрорастворимой в соленой морской воде бумаге. Уходящим шнырять по Атлантике и прочим неохватным водным гладям подлодкам выдавали шифроматериалы с ограниченным сроком действия.

Были и строжайшие инструкции гросс-адмирала Кригсмарине Карла Деница: погибай, но чтоб твоя шифромашина не досталась врагам – долбани по ней молотком, чтоб на кусочки разлетелась, и только после этого уходи на прокорм акулам, незапятнанным перед фюрером, Рейхом и его Криптослужбой.

Конец 10-х годов XX века. Молодой офицер-подводник германских военно-морских сил Карл Дениц.

Из вышедшего в советские годы военно-морского словаря: «Карл Дениц. Родился в 1891 году, гросс-адмирал (1943). С 1910 г. в кайзеровском флоте. С 1935 г. командует 1-й флотилией подводных лодок, с 1936 г. – всеми подводными силами фашистской Германии. В январе 1943 г. назначен Главкомандующим ВМС, оставаясь одновременно во главе подводного флота. Авантюризм стратегической концепции Деница заключался в фетишизации подводных сил, недооценке других родов ВМС».

Больше всего Дениц опасался захватов кригсмариновских кораблей надводных и из «мелочи пузатой». И так и случилось. 4 марта 41-го добычей англичан стал траулер «Кребс» из флотилии береговой охраны «Нарвик». Капитан «Кребса» не успел уничтожить шифроматериалы по уважительной причине – рухнул на палубу пулей сраженный, и этой энигмовской документацией завладела абордажная команда с британского эсминца «Сомали» (правда, к ее досаде, немцы успели швырнуть саму машину «Энигму» за борт).

Этот же «Сомали» чуть позднее захватил другой немецкий траулер – «Мюнхен» и вновь, буквально перед носом абордажной команды, «Энигма» плюхнулась в морскую глубину, но таблицу с шифрами «мюнхенцы» выбросить не успели...

Буквально на следующий день, 9 мая 41-го англичане принудили к всплытию деницевскую подлодку U-110 (о чем упоминается в одной из предыдущих глав), и на этот раз им подфартило по

полной – захватили, напомним, и саму шифрмашину, и всю сопутствующую ей документацию в придачу.

Все эти захваты англичанам удалось засекретить от немцев, вожделенные трофеи махом были доставлены сами понимаете куда – в 8-ю секцию Блетчли-Парка, и там Алан Тьюринг (на тот момент еще возглавлявший военно-морскую хижину), его зам Хью Александер и другие башковитые «стрелки» сразу сообразили, что к чему в важнейшем шифре «Гидра», которым заполняли эфир многие надводные корабли и – на тот момент, все(!) подлодки Кригсмарине.

И какие бы козни Дениц в последующие несколько месяцев ни строил британским конвоям, они в большинстве случаев ловко ускользали от засад вражеских сумбарин. В период с марта по декабрь 41-го благодаря «Ультре» целехонькими остались 300-400 плававших по морям по волнам торговых судов! Заслуга в этом шахматного чемпиона Англии – огромна!

Но бывали и периоды «ослепления» военно-морской секции Блетчли-Парка (ведь криптологи Кригсмарине постоянно усложняли свою «Энигму М»), когда Хью и его коллеги ничем не могли помочь в битве за Атлантику и прочие акватории. Светлые полосы чередовались с черными, но и в самые тяжелые дни дешифровального бессилия, Хью, оптимист по натуре, отличный менеджер, мощный математический ум неизменно поддерживал во вверенном ему коллективе (начинал он с 30 сотрудниками, в последующем ему подчинялись сотни специалистов, а всего в Блетчли и его окрестностях на «Ультру» в конце войны вкалывали до 10 тысяч человек!) хороший рабочий настрой. Договаривался с покладистым Мильнер-Барри, чтоб ударить по немецкой морской «Энигме М» как можно большим количеством «Бомб» (временно заимствуя их у 6-й секции), и чуть ли не засыпал с этими махинами в обнимку.

Март 1943-го – новый триумф Хью Александера, Джека Гуда, Гарри Голомбака и других дешифровальщиков 8-й секции: их мощным мозговым штурмом наконец-то был взломан «Тритон», новый заковыристый шифр, которым пользовались подлодки Деница в Атлантике. И этот взлом буквально преобразил всю стратегию англичан в изнурительной битве за Атлантику: до этого, пользуясь дешифровками «Ультра» (8-й александрской хижины), караваны торговых судов с сопровождением боевых кораблей бегали как зайцы от засад «волчьих стай», тикали от них без оглядки, а на состоявшейся тогда же, в марте 43-го Атлантической конвойной конференции было решено больше не драпать от деницевских сумбарин, а «мочить» их всей мощью конвойных эскортных крейсеров, эсминцев, самолетными стаями с авианосцев...

Из мемуаров Деница: «К 22 мая 1943 года (с начала апреля – В.Н.) мы уже потеряли 31 подводную лодку. Эта ужасающая цифра была для нас неожиданным ударом».

Всего же за май была потоплена 41 немецкая подлодка, после чего Дениц прекратил все свои действия против конвоев в Северной Атлантике. А началось-то все с дешифровки английской шахматной ратью «Тритона», о чем гросс-адмиралу могло только в кошмарном сне привидеться...

«Если Александер, - вспоминал Мильнер-Барри, - с легкостью разобрался в премудростях «Энигмы», то я, несмотря на свою генетику (*дед Мильнер-Барри по материнской линии – доктор Бэксант был знаменитым математиком из Сент-Джонского колледжа*) чувствовал себя фактически безграмотным... Вплоть до сегодняшнего дня я не могу сказать, что полностью разобрался в том, как работала машина, хотя тоже был задействован в разгадке и прочтении ее кода. К счастью, это не имело такого большого значения, ведь я мог быть полезен и в другом, чему содействовало мое прекрасное знание немецкого.

По-настоящему 6-я хижина добилась признания, когда Роммель вторгся в Египет. У немецких экспедиционных войск были свои ключи, которым мы давали «птичьи» имена, и самым важным ключом был «Зяблик». Мы его последовательно взламывали, начиная с весны 1942-го. И так как у немцев не было других регулярных средств связи с их войсками за границей, у нас была превосходная, полная картина о численности и расположении их сил, наряду с их намерениями, и в качестве побочного продукта к нам также поступала информация о движениях их подводных лодок в Средиземном море. Она была совершенно отдельна от информации о военных подводных силах в Атлантическом океане, которую в свою очередь добывала хижина № 8 под руководством Александера, где работали с индивидуальным морским ключом «Энигма». Помню, что я лично занимался расшифровкой «Зяблика»...

Добавим: прежде всего мастер Мильнер-Барри был полезен Блетчли-Парку как прекрасный менеджер, организатор, сплотивший огромный коллектив 6-й хижины (как и 8-я, она быстро нарастила свой штат до нескольких сот человек), чей КПД в целом удовлетворял как руководство Блетчли-Парка (Аластер Деннистон, Эдуард Тревис), так и самого Уинстона Черчилля.

А последнее, что было поручено Хью Александеру в Блетчли-Парке: дешифровать морскую «Энигму М» на предмет быстро распространившихся слухов, что Гитлер, Гиммлер, Борман и другие нацистские главари собираются смыться (или уже смылись) в Южную Америку на подлодке. Но никаких признаков этого шахматный чемпион Англии в энигмовских дешифровках не обнаружил. Да и не мог – обгоревший труп фюрера уже валялся во дворе рейхсканцелярии...

В отличие от Хью Александера и других английских мастеров – участников знаменитой операции «Ультра», Ройбен Файн в военные годы умудрялся совмещать свое пребывание в противолодочной группе «Asworg» (см. 1-ю часть «Встреча в Вашингтоне») с турнирными баталиями, правда, только уже в конце Второй мировой. В 1944-м он занял 2-е место в чемпионате США, неожиданно уступив «золото» Арнольду Денкеру (Решевский в том турнире не играл), в 45-м на Панамериканском турнире в Лос-Анжелесе Файн также финишировал вторым, уступив Решевскому.

В год окончания второй мировой шахматному герою довоенных лет наконец-то подыскали работу по его специальности психоаналитика в специальном военном отделе разведывательной службы ВМФ США. Специальный военный — это было для отвода глаз, отдел занимался проблематикой уже всю разворачиваемой американцами психологической войны!